

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 131-141
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.131

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

A Retrospection of the Social Role of Healers (Ishans, Tauips) among Kazakhs in the 19th – early 20th centuries

Gyulnar K. Mukanova ^{a, *}, Kuralay K. Sarsembina ^a, Zamzagul B. Baizhumanova ^a, Zyllykha Sh. Bimakanova ^b

^a Valikhanov Institute of History and Ethnology. Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Manash Kozybayev North Kazakhstan University, Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan

Abstract

Effective methods of getting rid of ailments among steppe peoples in the past certainly deserve attention, as well as the evolution of healing practices. The purpose and objectives of the study are to rethink the socio-cultural role of Ishan among steppe Kazakhs in the 19th and early 20th centuries through retrospection. Reports about the Ishan have been deposited in the collections of the Russian State Historical Archive, the United Archive of the Orenburg Region, the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, as well as in folk memory, narratives and memoirs of travelers. Information about the Ishan was updated as they moved deeper into the remote regions of the empire and represent diverse materials. Comparative analysis in this context was used to compare the healing activities of Ishan and Tauip people among a number of peoples: Kazakhs, Bashkirs, Azerbaijanis, Crimean Tatars, etc. The origins of the Ishan institute and their connection with the Bukhara madrasahs are revealed, as well as trends in the interpretation of the social institution of ishanism in pre-revolutionary, Soviet and modern historiography. An attempt has been made to analyze the social role of the Ishan institute in the history of the peoples of the empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. The glossary of the topic has been studied, regarding the designation of the status and attributes of Ishan and Tauip. The glossary reflects the common perception of the steppe people of Ishan and Tauip as: a) spiritual mentors; b) defenders of their natural rights; c) healers. Sources indicate their specialization (experts in medicinal herbs, chiropractors, masters of hypnosis, magicians and magicians, etc.). The Institute of steppe healing was insufficiently studied in the pre-revolutionary period, due to a lack of information and a superficial acquaintance with this extraordinary phenomenon. In the 19th century, the Ishan found themselves in the orbit of the political struggle of the Kazakh people, in the context of the decline of the status of the khans (substitution effect), there was an increase in the influence of spiritual leaders, the Ishan. A number of them left a vivid mark in the context of protest social movements, which permanently removed the topic of steppe healers from scientific circulation. Accordingly, a more detailed study of the topic was postponed in order to trace the evolution of steppe healing in later periods of Central Asian history.

Keywords: Kazakhs, Russian Empire, history, narratives, steppes, Central Asia, healing, spiritual leaders, madrasahs, Ishans.

1. Введение

Изучение происхождения ишанства и его исторической эволюции позволит объективно оценивать современные явления в Центрально-Азиатском регионе, действенность методик целительства на основе традиционной медицины и знаний свойств лекарственных растений и

* Corresponding author

E-mail addresses: gyulnar.mukanova1963@gmail.com (G.K. Mukanova),
kuralaysk@bk.ru (K.K. Sarsembina), b.zamzagul75@mail.ru (Z.B. Baizhumanova),
bimakanova1956@mail.ru (Z.Sh. Bimakanova)

возможностей человеческой психики. Если в христианской церкви, и православной в частности, народная медицина в виде знахарства провозглашалась колдовством и преследовалась, то на территории Казахстана и Средней Азии в обозначенных хронологических рамках практиковалось сосуществование: веры во всемогущество Аллаха, с одной стороны, и целительства в лице специально обученных ишанов, владевших знаниями полезных свойств растений, психологии и анатомии человека, с другой. Среди казахского населения степных областей империи термин «ишан», распространённый в областях, граничивших со среднеазиатскими духовными центрами, не прижился; здесь чаще употребимо было понятие «тәуіп» для обозначения целителя. В статье мы оперируем обеими дефинициями, поскольку они встречаются в источниках. На наш взгляд, ислам как относительно молодая религия довольно гибко адаптировался к культуругенезу и этногенезу степняков и не отверг реликтовых верований, и, собственно, целительства, к тому же по шариату обладавшие особым даром должны были оказывать помощь страждущим. Так называемое «степное» целительство занимает определённое место в истории казахов. Зарождение целительства и его эволюционное развитие претерпели известные вызовы, зачастую причинами нетерпимого отношения властей к целителям (тәуіпам, ишанам), практиковавшим в степных областях, были опасения роста их влияния. В случае нейтрального либо лояльного отношения ишанов пограничная администрация относилась к ним снисходительно. Напротив, восстание под руководством Кенесары Касымова продемонстрировало склонность отдельных ишанов к лидерству, часть из них выбрала сторону опального султана Кенесары (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791) и была в числе тех, кто по степным обычаям возвёл К. Касымова в статус хана. Данный исторический факт имел следствием то, что с середины XIX ст. ишаны оказались под особым наблюдением властей, а присущие ишанам методы целительства подверглись остракизму. Тогда как ишаны оказывали действенную помощь больным, опираясь на ментальный контакт со страждущим. Акцент степного целительства делался не на снадобья, а в большей степени на психосоматику человека, что существенно отличало практику тәуіпов, ишанов от рациональной медицины. В статье авторы делают попытку реконструкции социальной роли и места института степного целительства, равно как выявления и систематизации особенностей практики тәуіпов (ишанов), их инструментария и глоссария.

2. Материалы и методы

Исследование опирается на такие виды источников, как письменные, отложившиеся в центральных: Российский государственный исторический архив (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Республика Казахстан), Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз) (Ташкент, Республика Узбекистан), Центральный Государственный архив Кыргызской Республики (ЦГА КР) (Бишкек, Кыргызская Республика); региональных: Оренбургский государственный архив Оренбургской области (ОГАОО) (Оренбург, Российская Федерация) и районных архивах и музеях, как Сырдарьинский районный историко-краеведческий музей в Кызылординской области (СР ИКМ. Личный фонд «Садық ахун Қодарұлы») и фиксируемые в записках путешественников, лиц военного уклада и проч., и на устные свидетельства, нарративы (ПМА). Народная память сохранила сведения о знаменитых целителях; места их упокоения являются объектами определённого паломничества.

Архивные данные из Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) были рассмотрены с точки зрения фактологии политических событий, относящихся к первой половине XIX в. К примеру, со слов старшины Байдалы-Уаковской волости, ишан Марал Курманов учился в Бухаре, происхождения он был из рода Керей, летом 1821 г. он объявился в урочище Тургай и принялся исцелять больных: слепых, хромых, обездвиженных (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791). Источники сообщают такую немаловажную деталь, как расхождение в методах Марал ишана и Токсан бия (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 9-12).

Источники из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), в частности, «дело» о деяниях ишана Марала Курманова в 1821–1824 гг. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 84 «О появлении в киргизских степях лжепророка Марала Курманова и сборе сведений о нем»), содержат любопытную информацию. Из содержания источников следует, что ишан Марал Курманов, именовавший себя в переписке с колониальной пограничной администрацией «Пророком Иса», произвёл впечатление незаурядной личности и его посланием заинтересовались в Азиатском департаменте.

В Объединённом государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО) изучены материалы о ходе протестов казахов Младшего жуза под руководством ишана Досмухамедулы относительно реформы управления степными областями (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8440). Разножанровые исторические источники изучены согласно законам диалектической логики; сопоставительный анализ официальных материалов об ишанах, тәуіпах с другими историческими свидетельствами позволил углубить расхожие представления об их социальной роли в казахском социуме. Были проанализированы официальные донесения о мятежном ишане Оренбургского военного губернатора, изданные в сборнике документов и материалов многотомной серии «Казахско-русские отношения» (КРО, 1964). Указанные источники отражают определённые опасения, которые

испытывала Оренбургская пограничная администрация с появлением вблизи Горькой линии влиятельного оппонента в лице Марал ишана.

В качестве материалов привлечены были дореволюционные публикации путешественников, отражающие внешний субъективный взгляд на институт ишанов, тәуіпов (Абдулгафаров, 1895; Бернов, 1896; Воспоминания..., 1896 и др.).

В целях комплексного охвата темы социального влияния тәуіпов и ишанов в обозначенных хронологических рамках применялся междисциплинарный подход, так как ответы на поставленные вопросы обнаруживаются на стыке ряда социальных и гуманитарных наук, медицины, истории, географии и антропологии, психологии и этнологии. Безусловно, подспорьем при изучении вопроса социальной роли ишанов были принцип историзма, методы индукции и дедукции.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии вопроса о народном целительстве у инородческих народов преобладали, как правило, либо уничижительные, либо политизированные оценки деятельности целителей и в целом института ишанов. Это объяснимо спешностью выводов и поверхностным созерцанием иной культуры (Кондараки, 1875: 384; Народы России..., 1880: 98). Исследования темы ишанов российскими востоковедами, в частности Бартольд, выгодно отличаются глубиной и проникновением в культурное наследие народов региона. Бартольд дал разъяснение этимологии понятия «ишан» и его синонимов: шейх, муршид, устаз (ұстаз), пир (пір). Приведённые здесь дефиниции имели хождение и обозначали практически одно и то же: духовного наставника, лидера (Бартольд, 1966: 675). Любопытны исследования академика В.А. Гордлевского, который обращал внимание на наслоения в исламе, имевшие следствием суфийское учение (Гордлевский, 1934: 150). Последующий период историографии не привнёс качественного обновления в отношении института ишанов и тәуіпов: советская ориенталистика вынесла вердикт относительно того, что «ишанизм заменил у среднеазиатских тюрок (узбеков, казахов и других), а также у татар, старого шамана» (Гордлевский, 1962: 376). Собственно, дефицит источников и репрессии среди востоковедов на долгие десятилетия заморозили академические исследования практической составляющей целительства, социального института тәуіпов и ишанов, генезиса степного врачевания и т.д. Соответственно, не отслеживалась преемственность в целительской практике народов Центральной Азии как в сравнительном плане, так и в эволюционном. Современные востоковедческие разработки проявляют стойкий интерес к методике степного целительства, способам оздоровления страждущих, которые применяли потомственные тәуіпы и ишаны. В указанном аспекте следует отметить публикации о методах врачевания у оседлых народов, каковой была подавляющая часть крымских татар в конце девятнадцатого столетия (Габдрафикова, 2019). Исследователи опираются на сообщения путешественников второй половины XIX в., иными словами, на знание, формировавшееся внешними наблюдателями, что не вполне могло дать исчерпывающие объективные оценки. Методы целительства степных тюркских кочевников и методика ишанов (кровопускание, чтение сур) вытесняли друг друга (Габдрафикова, 2019: 130). С категоричностью данного суждения трудно согласиться, поскольку казахские ишаны и тәуіпы прибегали одновременно к разным способам исцеления, что совершенно естественно и лишней раз проявляет благородную миссию степных ишанов. Попытку систематизации приёмов лечения у степных «кочевых» лекарей осуществил исследователь В. Огудин. В своей книге «Народная медицина Средней Азии и Казахстана» (Огудин, 2021) автор изложил результаты изучения народной медицины лишь в пределах Туркестанского края, если быть точными, – в пределах Семиреченской и Сырдарьинской областей. Приходится констатировать, что казахское население указанных областей, в отличие от степных, более тяготело к оседлому образу жизни, что оказывало влияние на специфику целительства.

Казахстанская историография вопроса складывалась неравномерно. Это объясняется тем, что в советское время изучение проблемных вопросов, прямо либо косвенно связанных с религией, сталкивалось с большими затруднениями. Редкие монографические издания, изданные в самом начале постсоветского этапа (см. Толеубаев, 1991) о верованиях казахов, касались в основном доисламского периода. Параллельно осуществлённые разработки по истории народов Средней Азии также не были лишены перекосов. Например, на советском этапе таджикские академические обобщающие труды характеризовали институт ишанов в основном негативно, как оппонентов деятельности колониальной администрации (Гафуров, 1953). Академик Б. Гафуров вынужден был, в духе идеологии, характеризовать собственно суфизм как тормоз развития светской науки, культурного прогресса, орудие удушения свободомыслия (Гафуров, 1953: 61). Восстание под руководством Дукчи-ишана, помощника (хальфе) пира суфиев Ферганской долины Султан-хана Туры, в официальной историографии республик трактовали как реакционное (Гафуров, 1953: 56).

Постсоветский этап привнёс новизну в характеристики регионального суфизма и ишанизма. Так называемый «башкирский» суфизм XIX – начала XX веков характеризуется исследователем А. Ярлыкаповым на примере ишана Зайнуллы Расулева, который имел неординарные целительские способности (Ярлыкапов, 1999: 40).

Среди исследователей всё ещё встречаются приверженцы традиционной тенденции к негативной интерпретации суфизма, точнее ишанизма (см. [Закиров, 2014: 78](#)).

Отдельные исследователи делают попытки систематизировать многослойный материал через призму мусульманской традиции ([Нуртазина и др., 2024: 542](#)).

В годы независимости в Республике Казахстан разработана Карта сакральных мест, где нанесены географические координаты локаций, предназначенных для посещений туристов. В число сакральных объектов по Кызылординской области, к примеру, включены мавзолеи – кесене Марал ишана, Калтай ишана и др. Советская идеологическая «фетва» прошла огнём и мечом по святым сакральным ценностям народов. Даже на уровне детского сознания образ мага-целителя, помогающего людям, предстал в виде некоего старика Хоттабыча. Вроде бы милый пожилой гражданин, читающий заклинания, ибн Хоттаб, однако, выглядел жалко по сравнению с советским школьником, попадал в казусы и не вписывался в действительность страны, строящей коммунизм... Поскольку историкам в советское время было наложено «табу» на изучение ишанов и их роли, что ограничило им возможности открыто публиковать результаты, то филологи республики внесли свой вклад в изучение вопроса. В частности, обладая базой фольклорных данных и нарративов, лингвистам проще было цитировать дастаны, исторические песни и поэмы прошлого. К примеру, плодом совместного историко-филологического изучения темы является сборник казахского фольклора о Кенесары и Наурызбае, где упоминается роль Марала ишана ([Бисенбаев, Мекебаев, 2014: 201](#)).

Западная зарубежная школа историко-культурной антропологии, что характерно, отличается непредвзятостью суждений, и в этом плане независимый исследователь, теолог, философ Allen Frank однозначно оценил утрату социального института ишанства в Казахстане вследствие репрессий. И хотя данное высказывание является результатом исследований автора по более позднему историческому периоду, мы посчитали уместным его привести. К примеру, A. Frank совершенно справедливо пришёл к выводу, что массовые политические репрессии в Казахстане против ишанов были даже большей катастрофой для аульного сообщества, нежели катастрофа массового голода и коллективизации (см. [Frank, 2019: 12](#)). Незашоренный взгляд на истинную социальную интегративную роль духовных наставников, целителей, действительно полезен, чтобы констатировать тот факт, что уничтожение естественным образом сложившейся в степном пространстве и к тому же социально полезной страны в лице ишанов повредило стабильности и здоровью казахского социума в прямом и переносном смысле. Из исследователей, специализирующихся на отдельных аспектах темы целительства, можно было бы назвать труды А. Беннингсена, С.Э. Уимбуша ([Benningsen, Wimbush, 1985](#)). Тема суфиев и ишанов частично освещалась в публикациях Дж. Тримингэма ([Тримингэм, 1989](#)) и др. Тем не менее эти публикации увидели свет в русле «советологии» и не смогли избежать определённых тенденций в трактовке достаточно тонкой темы. Собственно, тот факт, что тема до конца не изучена, открывает, на наш взгляд, перспективы к разработке новых направлений в русле историко-антропологических исследований.

4. Результаты

В целях обобщения предварительных результатов исследования многогранной темы о социальной роли целителей в казахском сообществе в недавнем прошлом, предпочтительным представляется пошаговое изложение проявленных качеств личностей, оставивших яркий след в истории региона, – ишанов (в северных областях Казахстана их именуют также «тәуіп», «тауіп»). Исследование конкретных биографий ишанов и тауипов выявляет определённую общность их мировоззрения, убеждений и поступков, самые известные из них проявили себя в политике, руководствуясь необходимостью отстаивания естественных прав подданных империи на образование на родном языке, идентичность и этничность, в смысле признания религиозных предпочтений (ислам, суфизм) и защиту земельных владений. Например, в ходе протестного движения в Западном Казахстане во второй половине XIX в., направленного против «Временного положения об управлении в степных областях 1868 года», ишан Досмухамедулы проявил активность, встречался с лидерами мнения и созвал сторонников на совет у реки Тамды ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8440. Л. 2–3](#)). Последний момент чрезвычайно интересен и изучен менее остальных, тогда как большинство социальных волнений среди инородцев-степняков в XIX – начале XX в. были вызваны именно посягательствами на пастбища-джайляу казахов, каракалпаков, калмыков, башкир и т.д.

4.1. Исследование мемуарной литературы, нарративов, рукописей, хранящихся в семейных и личных архивах потомков ишанов, хазретов и мулл, содержания публикаций специалистов-востоковедов, историков и филологов наряду с сопоставлением полученных данных с географией местностей, топонимикой показало, что институт ишанов – не просто отряд фанатиков, окруживших себя поклонниками, готовый популяризовать Книгу Пророка и восхвалять Всевышнего. Большинство из них училось в специализированных духовных центрах; сохранились сведения о деятельности и учебной программе медресе Кокильташ (город Бухара), куда поступали наиболее смышлённые дети казахов ([НА РУз. Ф. И-323. Д. 40; Д. 55-9; Ф. И-126](#)).

Так, согласно донесению старшины Байдалы-Уаковской волости, ишан Марал Курманов учился в Бухаре (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 9). Другой источник, казахский султан Жанторе Жангирулы, сообщал, что ишан происходит из рода керей, летом же 1821 г. он объявился в урочище Тургай и принялся исцелять больных: слепых, хромых, обездвиженных (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 10-12). Подполковник Набоков в докладной министру сообщал такую немаловажную деталь, как наличие у ишана многочисленных последователей – мюридов (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 3-6). Архивные документы отражают интерес российской администрации к личности Марал ишана, который выдвинул требование организовать ему встречу с самим императором (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 18). Эти факты подтверждаются документами из РГИА: рапорт подполковника Набокова генералу Капцевичу, датированный 1823 г., указывает на то, что власти продолжали наблюдать за ишаном, который «отправился на Сыр-Дарью в союзе десяти тысяч человек» (РГИА. Ф. 2300. Оп. 13. Д. 17. Л. 12); причиной миграции была необходимость защиты торговых мирных караванов, идущих в Степь из Бухары, и которые подвергались грабежу со стороны хивинцев (РГИА. Ф. 2300. Оп. 13. Д. 17. Л. 12). Иными словами, ишан сознательно принял решение сменить вектор социально-политического воздействия и предпочёл затянувшимся переговорам направить силы на организацию необходимой обществу защиты транзитных торговых караванов, пересекающих Степь.

К примеру, Ахмет ишан Оразайулы (1861–1926), уроженец Сырдарьинской области, учился в Бухаре. Закончив обучение, приложил свои средства и знания к открытию школы и мечети на земле отцов. Поддерживал контакты с лидерами Алаш, печатался в первой национальной газете «Қазақ» в 1913 г., призывая казахов переходить к оседлому образу жизни. Даже вызвался быть меценатом конкурса на написание учебников для школ на казахском языке, оказал материальную поддержку газете правительства Алаш-Орды – «Сары арқа». Хорошо осознавая угрозу земельного кризиса из-за массового крестьянского переселения по проекту Столыпина, взял на себя руководство протестным движением. И что любопытно, осповривание не только приветствовал, но и вместе с дочерью организовал инъекции среди казахов (Ислам, 2010: 587). То есть отдельные ишаны воплощали в себе высокие человеческие качества, рискуя подхватить опасные инфекции, борясь с эпидемиями и врачую страждущих в меру своих познаний. В Степи, как известно, не было аптек, как, например, в городских поселениях Поволжья и Мавераннахра, а также медикаментов и инструментов, которыми обладали европейские кудесники-врачеватели. В этом плане, собственно, миссия ишанов реализовывалась на грани самопожертвования: в целях оздоровления степняков они, ишаны, тауипы, шли в Степь и разделяли тяготы степного быта. Тот факт, что целители представляли разные школы и методики целительства, зафиксирован в документе, в котором описано расхождение в методах Марал ишана и Токсан бия (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 9-12).

4.2. Другая особенность института ишанов, как показывают источники – в основном изустные, отражённые в шежире (родословных) и агиографиях (кратких биографических справках, не лишённых мифологизации), – это их открытость и доступность, коммуникабельность. Целители были востребованы при борьбе с инфекционными массовыми заболеваниями в Степи (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3457 «Дело о мерах предотвращения заразных болезней в Степи» и др.). Такие эпидемии, как оспа, холера, чума, нередко распространялись среди казахского населения, и целители оказывали населению помощь (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1415 «Дело о борьбе с эпидемией чумы в Букеевском ханстве»); их деятельность отмечена в ряде донесений из Букеевской орды, Туркестана, в Областное правление оренбургскими казахами Министерства внутренних дел (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3477, 3478А и др.). Аналогичные документы описывают действенную помощь степных целителей в период появления оспы в северо-восточных областях (См.: ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 634 «Дело о распространении эпидемии оспы в Баян-Аульском округе»; ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 708 «Дело об эпидемических заболеваниях во внешних округах и борьбе с ними» и др.).

Внешние связи ишанов выходили далеко за пределы мест их проживания, и за этим кроется отработанная практика идейной поддержки учеников школ / орденов степного суфизма между собой. Как выясняется, для последователей ордена накшбандийа на территории современного Казахстана и Центральной Азии в XIX – начале XX в. практически не было границ. Наибольшее количество установленных сакральных мест в память о суфиях, ишанах по Казахстану приходится на современные Карагандинскую, Кызылординскую и Туркестанскую области. Данный исторический факт на самом деле отражает не столько особую концентрацию, сколько равноудалённость мест, где практиковали ишаны-целители, от внешних границ степей. К тому же, указанные географические локации расположены вблизи средневековых локальных трасс Великого Шёлкового пути, что в целом отражает традиционные маршруты караванов, на пути которых путники могли получать целительские услуги. Дополнительным фактором была миграция ишанов и мюридов из северных областей, из Приишимья, например, по мере подавления восстания Касыма и его сыновей Саржана и Кенесары в XIX в. Данный маршрут миграции подтверждает большие познания ишанов и тауипов в исторической географии: они хорошо ориентировались в расположении крупных водоёмов (рек, озёр и колодцев), магистральных степных дорог, караванных трасс, крупных городов-крепостей. Синтезируя разноречивые сведения о сторонниках Кенесары Касымова, к числу которых относился и казахский ишан Марал Курманов. Степные ишаны в XIX в. не только не избегали участия в решении

социальных вопросов, напротив, активно проявляли себя в политических дебатах. Социальная роль ишанов особенно актуализировалась в те моменты, если дело касалось принципиальных вопросов, в частности захвата земель, пастбищ сообщества. Любопытно, что ишаны участвовали в благотворительности: например, сырдарьинский ишан Ахмет помог материально жителям Карса в 1915 г.; данный факт выявлен на страницах казахской газеты (*Қазақ. 1915. № 95*). Ишанизм, как социальный институт, в пределах центральноазиатского региона, таким образом, отличался высокой степенью включенности в процессы идентичности.

4.3. В реконструкции социального положения ишанов-целителей немаловажно понимать степень взаимоотношений их с представителями власти. Об этих аспектах социальных контактов сообщают архивные источники, к примеру, Журнал общего присутствия Семиреченского областного правления. В Журнале, в частности, имеется упоминание о Циркуляре Военного Губернатора Семиреченского области генерал-майора М.А. Фольбаума от 19 февраля 1912 г. № 282, в котором указывалось: «... существующие старометодные профессиональные мектебы» подлежат точной регистрации и надзору (*ЦГА КР. Ф. И-160. Оп. 1. Д. 73. Л. 8*). Соответствующие надзорные мероприятия осуществлялись регулярно: в 1905, 1908 и 1912 г. в пределах Туркестанского края; предлагались проекты о порядке открытия «магометанских» духовных школ – мектебе и медресе (*ЦГА КР. Ф. И-160. Оп. 1. Д. 92. Л. 1-6*). Ишаны – целители, таким образом, оказывались в роли неких посредников между администрацией края, с одной стороны, и – местным населением, с другой. Владея письменностью, будучи относительно просвещённой социальной категорией, целители оказывали консультативную помощь степнякам при составлении ходатайств, оформлении отпрысков в учебные заведения и т. п.

Степные ишаны при этом ориентировались в родовом происхождении своих мюридов и нуждавшихся в исцелении лиц, что было немаловажно для казахского сообщества. Казахский этнос, в котором семья и брак чётко зиждились на правильном балансе межродовых долгосрочных связей, выработал систему саморегулирования; народными обычаями (адат) запрещались браки между родственниками ближе семи поколений родства. Социальная стратификация степных народов способствовала тому, что ишанам, тауипам оказывали информационную поддержку знатоки права и обычаев, уважаемые аксакалы, судьи-бии, которые были носителями сакральных знаний о генезисе конкретного рода и подродов. Не случайно ишаны выявляли и интегрировали вокруг себя лиц, знающих особенности местности: степень родства общинников, прогнозировавших вероятность потенциальных конфликтов с сопредельными народами, природные ресурсы (водоёмы, запасы ископаемых, наличие лесов и проч.) в конкретной локации.

Ишаны не были какой-либо узкой, законспирированной сектой. Персоналии ишанов, отложившиеся в народной памяти, сообщают, в том числе об их родовой принадлежности. Так, на сегодня из наиболее авторитетных просветителей-суфиев и целителей XIX – начала XX в. чаще упоминаются: Мусирали ишан, Косым ишан, Марал ишан, Кожаназар ишан, Тилеулес ишан, Азилхан ишан, Сулемен ишан, Оспан ишан, Отеп ишан, Акмырза ишан, Шабар ишан, Досжан ишан и многие другие. Каждый из них вышел из традиционного казахского рода и хорошо был знаком с обычаями и традициями народа, обогащая их полученными в специализированных медресе теоретическими знаниями о человеческом организме и способах исцеления.

4.4. В изучаемый хронологический период социализация целителей зависела от легитимизации их общественно полезной деятельности и адаптации к реалиям. В этом смысле им помогало то, что имелись письменные подтверждения статуса ишана-проповедника и ишана-целителя, что придаёт дополнительный вес данному социальному институту. Немаловажно, что пространство Казахской степи, в пределах которой проявилась целительская практика ишанов и тауипов, географически совпадало с зоной влияния знаменитых средневековых центров исламского духовного обучения в Средней Азии, Персии, Тибете и на полуострове Индостан, с которыми традиционно поддерживали контакты суфийские ордена. Ряд исследователей отмечает факт наличия письменного диплома/свидетельства о праве на целительскую деятельность у наиболее просвещённых ишанов, он назывался на казахском языке «шатыр-хат». «Шатыр-хат» – производное от арабского словосочетания «хатти-иршад», смысл тот же: это документальное подтверждение практических навыков целительства у прослушавшего длительный курс в (бухарских, каирских) медресе.

Традиция сдавать испытания и заслужить диплом на просветительскую духовную и заодно на целительство (в разных источниках написание варьируется: иджаза, ижазад, хатти-иршад, шатыр-хат) связана была с получением такового в Герате на севере Афганистана во времена Кокандского владычества либо в Бухаре. Кроме шатыр-хат, в музеях и личных коллекциях сохранились чётки ишанов, изготовленные из рогов сайгака, и такая – головной убор. То, что шатыр-хаты не представлены в музеях во множественном числе, ещё не даёт повода усомниться в их присутствии в информационном поле Степи в заданных хронологических пределах. Дореволюционные авторы также указывали на факт, что ишаны имели при себе грамоты – хатти-иршад (*Абдулгафаров, 1895: 7*). Биографы татарского ишана, шейха Гали ишан ат-Тунтари (полное имя – мулла Гали бин Сайфулла бин Губдурашит) утверждают, например, что он имел разрешение – ижазат – на воспитание мюридов (*Маликов, 2012*).

Иршад переводится с арабского как направляющее, руководство. Другой разряд материальных источников по истории казиев, суфиев и ишанов – это арабографические печати, которые изготавливались в Бухарском ханстве. Печати подразделялись на разные виды: талисманы, обладавшие магической силой, и проч. По форме печати также отличались: круглая, миндалевидная, квадратная, прямоугольная, шестигранная, овальная, фигурная.

4.5. К сожалению, некоторые учёные, проявляющие известный интерес к теме, но не владея казахским или любым другим из тюркских языков, не зная собственно постулатов ислама и суфизма, могут лишь поверхностно обобщать исторические материалы. В частности, ряд исследователей затрудняется дифференцировать различия в тематических дефинициях. В Туркестанском крае врачевателей именовали «таиб» от арабского «табба» – лечение, утверждает Огудин, и что эмпирическое врачевание существовало преимущественно в городах (Огудин, 2021: 7). Такая оговорка существенно сужает географию целительства ишанов. На наш взгляд, хотя ишаны получали знания и соответствующее духовное звание в урбанистической среде (Бухаре, Хиве, Самарканде, Герате зачастую), однако они практиковали вне городов, то есть казахи степей были их пациентами. Соответственно, ишаны были готовы исцелять и проповедовать в менее комфортных условиях, добровольно отправлялись к страждущим и разделили с ними все тяготы и прелести быта степняков. Не случайно они брали с собой посох (казахское – «аса таяк»), который служил оружием защиты от хищников и был подспорьем в пути.

Следует заметить, что недооценённое качество ишанов – их своеобразное хождение в народ, что придавало их служению ещё больший авторитет. На наш взгляд, заслуживает внимания то суждение, что медицинские правила лечения и целительные инструменты основаны были на хадисах Корана. При этом сакральная система коранического учения не лишена была магического воздействия.

4.6. Несомненно, методика целительства ишанов была более усовершенствованной, чем традиционные народные способы заговоров на болезнь. В действительности, ишаны безусловно прибегали к психосоматическому лечению – посредством оберегов-талисманов, представлявших собой надпись арабской вязью, которую больной ребёнок или взрослый мог носить при себе. Однако данный метод практикуется издревле в разных культурах и конфессиях, не только среди «впечатлительных и суеверных» кочевников. Нельзя согласиться с выводами отдельных авторов, что бытовое лечение практиковали люди, не имевшие специального образования (Огудин, 2021: 9), что, в отношении степных ишанов, как выше отмечается, неверное суждение. Многолетнее обучение в специализированных медресе Средней Азии, Египта было оправдано высокой эффективностью целительской практики; ишаны и тауипы справлялись с диагностикой ряда заболеваний высшей нервной системы человека, умели исцелять припадки эпилепсии, помешательства, что, к примеру, сложно было бы осуществить без специальных знаний психологии и терапии. Как выясняется из полевых материалов по Сырдарьинскому региону и Акмолинской области, к примеру, опытные ишаны не ограничивались чтением Корана и толкованиями сур – они посещали отдалённые регионы и оказывали помощь страждущим. Методами их целительства были: изготовление настоев лекарственных трав, мелкие хирургические вмешательства, психосоматические болезни лечились заговорами, предписанием амулетов, созданием особых условий изоляции больных и т.п. Более того, ишаны и тауипы пользовались известной на Востоке средневековой классификацией болезней, которую связывают с именем Ибн-Сины (Авиценны): на холодные и горячие, в соответствии с чем назначали снадобья и т. д. «Каноны» Авиценны преподавались в медресе «Кокельташ» в Бухаре, учебные пособия – в виде персидских переводов трудов Ибн-Сины печатались в Каире и поставлялись книготорговцам в Бомбей, откуда их выписывали в XIX – начале XX в. для бухарских медресе (Муканова, Садвокасова, 2025). Степные целители, несомненно, обладали навыками массового гипноза и внушения. К примеру, источник сообщает о том, как известный в XIX в. Марал ишан буквально воспарил над землёй, и этому было немало очевидцев (Омар, 2025: 12). Данное явление, известное в науке как левитация, имело небывалый эффект: ранее оспаривавшие мнение ишана принесли ему свои извинения публично и согласились на предложенные ишаном условия. Такого рода эффектные трюки, вроде вхождения в пламя суфиев, выходящих из огня невредимыми, оказывали воздействие, и Марал ишан использовал впечатление толпы для привлечения на сторону Кенесары воинов-сарбазов. Можно также сослаться на книгу Аллена Франка, название которой и содержание прямо указывают на факты, когда даже находясь в заточении, ишаны и ходжи в окружении сокамерников демонстрировали свои магические способности. Один из таких случаев левитации (подъёма над поверхностью земли без особых приспособлений лишь силой мысли) был сообщён очевидцами и приводится в исследованиях (см. Frank, 2019: 97).

4.7. Глоссарий темы изобилует следующими дефинициями: ирымджи, джинджи; так в Крыму именовали целителей (Путеводитель..., 1925: 69). В этом прослеживается определённое сходство с казахским словом ырымшы, от «ырым» (прорицание, предвидение). Его использовал А. Левшин в своём труде по истории и этнографии казахов (Левшин, 1832). Другой часто встречающийся термин – «дуа» (как вариант «алтын дуа») – распространён среди тюркских народов (РГИА. Ф. 2300. Оп. 13. Д. 117. Л. 11); в данном контексте подразумевалось чтение целителями-ишанами аятов Корана над страждущими и мюридами. Казахский термин «ем» – лечение, что характерно, совпадает с

однокоренными его вариациями (эм) у тувинцев. Кыргызское и казахское «баксы» (целитель). Встречаются и другие специфические понятия: «мюриды» – ученики, последователи, «иштар-хат» – свидетельство об окончании медресе, «фольбин» – гадалщик, «ишан-и мираси» – потомственный ишан, «таиб» – знахарь и др. (СР ИКМ. Личный фонд «Садык ахун Қодарұлы»).

4.8. В социальной стратификации ишаны-целители были добропорядочными членами сообщества, заводили семьи, детей, заботились о материальном благополучии и нравственном воспитании детей. Потомственная передача знаний в семьях ишанов в исследуемый хронологический период приветствовалась. Однако те потомки ишанов, которые практиковали в разных регионах Казахстана позднее, в 1920–1930-е гг., стали объектами гонений и преследований. Они значатся в списках выселенных граждан (РГИА. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1145. Л. 34-38). Данные об именах и фамилиях служителей мечетей и педагогов казахских медресе отложились в архивах (см.: ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Т. 7. Д. 6934 «По отношению Туркестанского Генерал-Губернатора о сборе сведений в отношении быта и уклада жизни туземцев за 1909 год; СР ИКМ). Обнаружение их рукописей и библиотек, хотя бы частично, пополнило бы источниковую базу отечественных исследований. Коллаборация с зарубежными архивами и научными центрами, на наш взгляд, составит важную часть изысканий.

Исторические источники исследуемого хронологического этапа указывают на широкую сферу социально полезной деятельности ишанов, владевших обширными прикладными знаниями, с помощью которых они вели себя и ощущали носителями конкретной этничности и идентичности.

5. Заключение

Таким образом, ишанизм играл определённую социальную роль в пределах Степи в условиях ликвидации института ханства; являясь в известном роде элитой казахского общества, ишаны-целители в изучаемый период нередко поддерживали протестные движения. В любом случае, они имели возможность заявлять, письменно и устно, от имени сообщества конкретные требования в адрес имперских чиновников. Соответственно, целители подпадали под надзор соответствующих ведомств, подотчётных генерал-губернаторам Степного и Туркестанского краёв. Источники свидетельствуют также о неоспоримом авторитете ишанов и их влиянии на ход событий в исследуемой геолокации.

Расположение сакральных ныне мест пребывания целителей-ишанов отражает их равноудалённость от внешних границ Степи. Влияние ишанов в социально-политическом раскладе Степи доказывает то, что ишаны не ограничивались чтением Корана и толкованиями сур, а посещали отдалённые регионы, оказывали медицинскую помощь страждущим. Собственно, термин «ишан» переводится как местоимение «они» (фарси) как знак особого почитания и статус избранности. В целом, социальное влияние ишанов, тауипов было востребовано и имело многочисленных последователей. Игнорировать его существование и влияние преждевременно.

6. Благодарности

Статья написана в рамках реализации грантового проекта АР26197075 «История целительства и народной медицины Казахстана XIX – начала XX вв.» Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

- Абдулгафаров, 1895 – Абд. Сат. Абд. Гаж-в (Саттархан Абдулгафаров). К вопросу о мусульманских ишанах // *Православный собеседник*. 1895. № 7. Сентябрь.
- Бартольд, 1966 – Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и арабского халифата. М.: Наука, 1966. 785 с.
- Бернов, 1896 – Бернов М.А. Из Одессы пешком по Крыму. СПб.: Тип. Глазунова, 1896. 218 с.
- Бисенбаев, Мекебаев, 2014 – Бисенбаев П.Қ., Мекебаев Т.Қ. Кенесары – Наурызбай жайындағы тарихи – фольклорлық үлгілер. Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2014. 394 б.
- Воспоминания..., 1896 – Воспоминания Саттар-хана Абдул-Гафарова / Н.П. Остроумов. *Сарты. Этнографические материалы*. Ташкент: Типо-лит. торг. дома «Ф. и Г. бр. Каменские», 1896.
- Габдрафикова, 2019 – Габдрафикова Л. Народное врачевание крымских татар глазами путешественников (вторая половина XIX века) // *Crimean Historical Review*. 2019. N 1. Pp. 124-134.
- Гафуров, 1953 – Гафуров Б. Андижанское «восстание» 1898 года // *Вопросы истории*. 1953. № 2. С. 50-61.
- Гордлевский, 1934 – Гордлевский В.А. Баха-уд-дин Накшбенд Бухарский (К вопросу о наслоениях в исламе) / Сергею Федоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности (1882–1932). Сб. статей. Л.: АН СССР, 1934. С. 147-169.
- Гордлевский, 1962 – Гордлевский В.А. Бахауддин Накшбенд. Избранные сочинения. История и культура. Т. III. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 588 с.
- Закиров, 2014 – Закиров А.А. Ишанизм в трудах татарского богослова и просветителя Габдуллы Буби (1876–1922) // *Минбар. Исламские исследования*. 2014. Т.7. № 2. С. 70-79.
- Ислам, 2010 – Ислам. Энциклопедиялык аныктамалык. Алматы: Аруна, 2010. 591 бет.

- КРО, 1964** – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Сборник документов и материалов. Раздел первый. Док. № 114. Алма-Ата: Наука, 1964.
- Кондараки, 1875** – *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. Ч.12. СПб.: Типография В. Веллинга, 1875. 90 с.
- Казак, 1915** – *Қазақ* (Оренбург), 1915.
- Левшин, 1832** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб., 1832.
- Маликов, 2012** – *Маликов Р.* Гали ишан ат-Тунтари. 2012 Февраля 27 // Духовное управление мусульман Республики Татарстан. [Электронный ресурс]. URL: https://dumrt.ru/ru/articles/mm-islam/mm-islam_1307.html (дата обращения: 01.12.2025).
- Муканова, Садвокасова, 2025** – *Муканова Г.К., Садвокасова З.Т.* Основные аспекты формирования знания об ишанах Центральной Азии (XIX – начало XX вв.) // *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 2025. N12(4). Pp. 1149-1162.
- Народы России..., 1880** – Народы России: этнографические очерки. СПб.: Журнал «Природа и люди». 1880. Т.2. 648 с.
- НА РУз** – Национальный архив Республики Узбекистан.
- Нуртазина и др., 2024** – *Нуртазина Н.Д., Картабаева Е.Т., Дауытбекова М.К.* Наследие казахских ишанов и святых целителей: новые подходы и перспективы изучения в контексте мусульманско-суфийской традиции Центральной Азии // *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 2024. Т. 11. № 3. С. 541-557.
- ОГАОО** – Объединённый государственный архив Оренбургской области.
- Огудин, 2021** – *Огудин В.* Народная медицина Средней Азии и Казахстана. М., «ГАНГА», 2021. 472 с.
- Омар, 2025** – *Омар Мұхамедхан.* Әулие мен тархан // *Qostanai tany*. 2025.07.11.
- ПМА** – Полевые материалы авторов, по результатам экспедиций в Кызылординскую и Акмолинскую области Казахстана, 2025 год.
- Путеводитель..., 1925** – Путеводитель по Крыму / Под ред. проф. А.И. Маркевича и др. Симферополь: Крымгосиздат, 1925. 267 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- СР ИКМ** – Сырдарьинский районный историко-краеведческий музей Кызылординской области Казахстана. Личный фонд «Садык ахун Қодарұлы».
- Тримингэм, 1989** – *Тримингэм Дж.* Суфийские ордена в исламе / Перевод с англ. под редакцией О.Ф. Акимускиной. М.: Наука, 1989. 328 с.
- ЦГА КР** – Центральный государственный архив Кыргызской Республики.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Ярлыкапов, 1999** – *Ярлыкапов А.А.* Вера башкир / Религии народов современной России. Словарь. Ред. Мчедлов М.П. и др. М.: Республика, 1999.
- Bennigsen, Wimbush, 1985** – *Bennigsen A., Wimbush S.E.* Mystics and Comissars: Sufism in the Soviet Union. London: University of California Press, 1985. 203 p.
- Frank, 2019** – *Frank A.J.* Gulag Miracles: Sufism and Stalinist Repression in Kazakhstan. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2019. 153 p.

References

- Abdulgafarov, 1895** – *Abd. Sat. Abd. Gazh-v (Sattarkhan Abdulgafarov)* (1895). K voprosu o musul'manskikh ishanakh [On the issue of Muslim Ishan]. *Pravoslavnyi sobesednik*. 7. Sentyabr'. [in Russian]
- Bartol'd, 1966** – *Bartol'd, V.V.* (1966). Sochineniya. T. VI. Raboty po istorii islama i arabskogo khalifata [Works on the history of Islam and the Arab Caliphate]. M. 785 p. [in Russian]
- Bennigsen, Wimbush, 1985** – *Bennigsen, A., Wimbush, S.E.* (1985). Mystics and Comissars: Sufism in the Soviet Union. London: University of California Press. 203 p.
- Bernov, 1896** – *Bernov, M.A.* (1896). Iz Odessy peshkom po Krymu [From Odessa on foot in Crimea]. SPb. 218 p. [in Russian]
- Bisenbaev, Mekebaev, 2014** – *Bisenbaev, P.Қ., Mekebaev, Т.Қ.* (2014). Kenesary – Nauryzbai zhaiyndary tarikhi – fol'klorlyқ ylgiler [Historical and folklore examples of kenesary-Nauryzbay]. Almaty. 394 p. [in Kazakh]
- Frank, 2019** – *Frank, A.J.* (2019). Gulag Miracles: Sufism and Stalinist Repression in Kazakhstan, Vienna. 153 p.
- Gabdrifikova, 2019** – *Gabdrifikova, L.* (2019). Narodnoe vrachevanie krymskikh tatar glazami puteshestvennikov (vtoraya polovina XIX veka) [Folk healing of the Crimean Tatars through the eyes of travelers (the second half of the 19th century)]. *Crimean Historical Review*. 1: 124-134. [in Russian]
- Gafurov, 1953** – *Gafurov, B.* (1953). Andizhanskoe «vosstanie» 1898 goda [The Andijan “uprising” of 1898]. *Voprosy istorii*. 2: 50-61. [in Russian]

- Gordlevskii, 1934** – *Gordlevskii, V.A.* (1934). Bakha-ud-din Nakshbend Bukharskii (K voprosu o nasloeniyakh v islame) [Baha-ud-din Naqshband Bukhara (to the question of layers in Islam)]. Sergeyu Fedorovichu Ol'denburgu. K 50-letiyu nauchno-obshchestvennoi deyatel'nosti (1882–1932). Sb. statei. L.: AN SSSR. Pp. 147-169. [in Russian]
- Gordlevskii, 1962** – *Gordlevskii, V.A.* (1962). Bakhauddin Nakshbend. Izbrannye sochineniya. Istoriya i kul'tura [Bahauddin Naqshbend. Selected essays. History and culture]. Vol. III. M. 588 p. [in Russian]
- Islam, 2010** – Islam. Entsiklopediyalyk anyktamalyk [Islam. Encyclopedialyk anyktamalyk]. Almaty, 2010. 591 p. [in Kazakh]
- KRO, 1964** – Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vekakh (1771–1867 gody) [Kazakh-Russian relations in the XVIII – XIX centuries (1771–1867)]. Sbornik dokumentov i materialov. Razdel pervyi. Dok. № 114. Alma-Ata: Nauka, 1964. [in Russian]
- Kondaraki, 1875** – *Kondaraki, V.Kh.* (1875). Universal'noe opisanie Kryma [Universal description of the Crimea]. Ch 12. SPb. 90 p. [in Russian]
- Kazak, 1915** – *Қазақ.* Orenburg, 1915. [in Kazakh]
- Levshin, 1832** – *Levshin, A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes]. SPb. [in Russian]
- Malikov, 2012** – *Malikov, R.* (2012). Gali ishan at-Tuntari [Gali ishan at-Tuntari]. 2012 Fevralya 27. Dukhovnoe upravlenie musul'man Respubliki Tatarstan. [Electronic resource]. URL: https://dumrt.ru/ru/articles/mm-islam/mm-islam_1307.html [in Russian]
- Mukanova, Sadvokasova, 2025** – *Mukanova, G.K., Sadvokasova, Z.T.* (2025). Osnovnye aspekty formirovaniya znaniya ob ishanakh Tsentral'noi Azii (XIX – nachalo XX vv.) [The main aspects of the formation of knowledge about the Ishan of Central Asia (XIX – early XX centuries)]. *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 12(4): 1149-1162. [in Russian]
- Narody Rossii..., 1880** – Narodnye Rossii: etnograficheskie ocherki [The Peoples of Russia: ethnographic Essays]. SPb., 1880. T. 2. 648 p. [in Russian]
- NA RUz** – Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Uzbekistan [The National Archive of the Republic of Uzbekistan].
- Nurtazina i dr., 2024** – *Nurtazina, N.D., Kartabaeva, E.T., Dauytbekova, M.K.* (2024). Nasledie kazakhskikh ishanov i svyatykh tselitelei: novye podkhody i perspektivy izucheniya v kontekste musul'mansko-sufiiskoi traditsii Tsentral'noi Azii [The legacy of the Kazakh Shamans and Holy healers: new approaches and perspectives of study in the context of the Muslim-Sufi tradition of Central Asia]. *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 11(3): 541-557. [in Russian]
- Ogudin, 2021** – *Ogudin, V.* (2021). Narodnaya meditsina Srednei Azii i Kazakhstana [Traditional medicine of Central Asia and Kazakhstan]. M. 472 p. [in Russian]
- Omar, 2025** – *Omar, M.* (2025). Əulie men tarkhan [Saint and Tarkhan]. *Qostanai tany*. July 11. [in Kazakh]
- OGA00** – Ob"edinennyi Gosudarstvennyi Arkhiv Orenburgskoi oblasti [The United State Archive of the Orenburg region].
- PMA** – Polevye materialy avtorov, po rezul'tatam ekspeditsii v Kyzylordinskuyu i Akmolinskuyu oblasti Kazakhstana [Field materials of the authors, based on the results of expeditions to the Kyzylorda and Akmola regions of Kazakhstan]. [in Kazakh, in Russian]
- Putevoditel'..., 1925** – Putevoditel' po Krymu [A guide to the Crimea]. Pod red. prof. A.I. Markevicha i dr. Simferopol': Krymgosizdat, 1925. 267 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- SR IKM** – Sypdar'inskii raionnyi istoriko-kraevedcheskii muzei Kyzylordinskoi oblasti Kazakhstana [SR ICM is the Sypdarya Regional Museum of Local Lore of the Kyzylorda region of Kazakhstan].
- Trimingem, 1989** – *Trimingem, Dzh.* (1989). Sufiiskie ordena v islame [Sufi orders in Islam]. Transl. O.F. Akimushkin. M. 328 p. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki [The Central State Archive of the Kyrgyz Republic].
- TsGA RK** – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Vospominaniya..., 1896** – Vospominaniya Sattar-khana Abdul-Gafarova [Memoirs of Sattar Khan Abdul Gafarov]. N.P.Ostroumov. Sarty. Etnograficheskie materialy. Tashkent, 1896. [in Russian]
- Yarlykapov, 1999** – *Yarlykapov, A.A.* (1999). Verovaniya bashkir [Beliefs of Bashkirs]. Religii narodov sovremennoi Rossii. Slovar'. Red. Mchedlov M.P. i dr. M.: Respublika. [in Russian]
- Zakirov, 2014** – *Zakirov, A.A.* (2014). Ishanizm v trudakh tatarskogo bogoslova i prosvetitelya Gabdully Bubi (1876–1922) [Ishanism in the writings of the Tatar theologian and educator Gabdulla Bubi (1876-1922)]. *Minbar. Islamic studies*. 7(2): 70-79. [in Russian]

Ретроспекция социальной роли целителей (ишаны, тауипы) среди казахов в XIX – начале XX в.

Гюльнар Кайроллиновна Муканова ^{a, *}, Куралай Куандыковна Сарсембина ^a,
Замзагуль Бекежановна Байжуманова ^a, Зылыйха Шахметовна Бимаканова ^b

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Северо-Казахстанский университет им. Манаша Козыбаева, Петропавловск, Республика Казахстан

Аннотация. Эффективные методики избавления от недугов у степных народов в прошлом безусловно заслуживают внимания, равно как и эволюция целительских практик. Цель и задачи исследования заключаются в переосмыслении социально-культурной роли ишанов среди степных казахов в XIX – начале XX в. посредством ретроспекции. Сообщения об ишанах отложились в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Объединённого архива Оренбургской области (ОАОО), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), а также в народной памяти, нарративах и мемуарах путешественников. Сведения об ишанах пополнялись по мере продвижения вглубь отдалённых регионов империи и представляют собой разножанровые материалы. Компаративный анализ в данном контексте применялся при сопоставлении целительской деятельности ишанов и тауипов у ряда народов: казахов, башкир, азербайджанцев, крымских татар и др. Выявлены истоки института ишанов и их связь с бухарскими медресе, тенденции в интерпретации социального института ишанства в дореволюционной, советской и современной историографии. Осуществлена попытка анализа социальной роли института ишанов в истории народов империи во второй половине XIX - начале XX в. Изучен глоссарий темы в части обозначения статуса и атрибутов ишанов и тауипов. Глоссарий отражает общность восприятия степняками ишанов и тауипов как: а) духовных наставников; б) защитников их естественных прав; в) целителей. Источники указывают на их специализацию (знатоки целебных трав, костоправы, мастера гипноза, маги и кудесники и др.). Институт степного целительства был недостаточно изучен в дореволюционный период по причине дефицита сведений и поверхностного знакомства с этим неординарным явлением. В XIX ст. ишаны оказались в орбите политической борьбы казахского народа, в условиях упадка статуса ханов (эффект замещения) имел место рост влияния духовных лидеров, ишанов. Ряд из них оставил яркий след в контексте протестных социальных движений, что надолго вывело тему степных целителей из научного оборота. Соответственно, более детальное изучение темы было отложено, чтобы отследить эволюцию степного целительства в более поздние периоды истории Центральной Азии.

Ключевые слова: казахи, Российская империя, история, нарративы, степи, Центральная Азия, целительство, духовные лидеры, медресе, ишаны.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gulnar.mukanova1963@gmail.com (Г.К. Муканова),
kuralaysk@bk.ru (К.К. Сарсембина), b.zamzagul75@mail.ru (З.Б. Байжуманова),
bimakanova1956@mail.ru (З.Ш. Бимаканова)